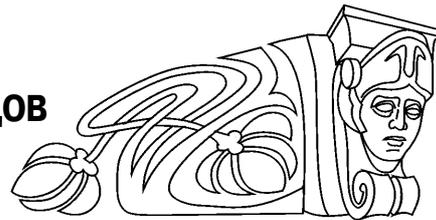

УДК 327.8

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ФАКТОВ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ И ПЕРИОДОВ РОССИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

П. И. Пашковский

Пашковский Пётр Игоревич, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, petr.pash@yandex.ru

В статье рассмотрена проблема соотношения фактов присоединения и потери Крыма с периодами интеграционной активности и государственного могущества России. Исторически являющийся важной составляющей российского имперского пространства, Крым часто находился в центре процессов, определявших степень интеграционной активности и государственного могущества России. Периоды интеграции (присоединения земель к имперскому центру) и дезинтеграции (потери ранее приобретенных земель) четко отслеживаются в тысячелетней истории «освоения» Россией евразийского пространства. В этом отношении роль Крыма проявлялась в следующем: присоединение полуострова способствовало укреплению геополитических позиций России в Черноморском регионе, интенсификации ее интеграционной активности и увеличению имперской территории; периоды потери Крыма были связаны с дезинтеграцией и ослаблением государства; возвращение полуострова в состав России открывало новый этап ее интеграционной активности и государственного могущества.

Ключевые слова: Россия, Крым, присоединение, интеграционная активность, государственное могущество.

To the Problem of the Correlation of the Facts of Accession of the Crimea to Russia and the Periods of the Russian Integration Activity

P. I. Pashkovsky

Petr I. Pashkovsky, ORCID 0000-0001-5403-3797, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4, Vernadsky Ave., Simferopol, 295007, Russia, petr.pash@yandex.ru

The article considers the problem of correlation of the facts of accession and loss of the Crimea with the periods of Russian integration activity and state power. The Crimea historically is an important component of the Russian imperial space, and was often at the center of the processes that determined the degree of integration activity and state power of Russia. The periods of integration (accession of lands to the imperial center) and disintegration (losses of previously acquired lands) are clearly traced in the thousand-year history of the «development» of the Eurasian space by Russia. In this respect the role of the Crimea manifested itself in the following: the accession of the peninsula contributed to the strengthening of Russian geopolitical position in the Black Sea region, the intensification of Russian integration activity and the increase of the imperial territory; the periods of the loss of the Crimea were associated with the disintegration and weakening of the state; the return of the peninsula to Russia opened a new stage in its integration activity and state power.

Key words: Russia, Crimea, accession, integration activity, state power.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-318-322

Крымский полуостров, исторически являющийся в силу своего социокультурного и геостратегического значения важной составляющей российского имперского пространства, часто находился в центре процессов, определявших степень интеграционной активности и государственного могущества России. Исследование исторических особенностей и закономерностей глобальных и региональных политических процессов помогает по аналогии понять их настоящее состояние и спрогнозировать развитие в будущем. Так, периоды интеграции (присоединения земель к имперскому центру) и дезинтеграции (потери ранее приобретенных земель) четко отслеживаются в тысячелетней истории «освоения» Россией евразийского пространства, актуализируя необходимость их комплексного изучения. Вместе с тем, руководствуясь сентенцией известного американского исследователя Г. Киссинджера, при осуществлении международно-политического анализа необходимо помнить, что «...история учит по аналогии, проливая свет на сходные последствия сопоставимых ситуаций. Однако каждое поколение должно определить для себя, какие обстоятельства на самом деле являются сопоставимыми»¹.

Характеризуя степень разработанности указанной проблемы, необходимо отметить, что среди проявлений российских внешнеполитических подходов, в том числе интеграционной политики, выделяются следующие тенденции:

– наличие характеристик сухопутной державы и империи, территориальные размеры которой значительно превосходили любую из европейских стран²;

– противоборство «западников» и приверженцев консервативно-патриотической традиции в российском внешнеполитическом дискурсе³;

– внешняя политика России, как правило, носила реактивный (ситуативный) характер⁴;

– отмечается относительно поздний ее выход на сцену европейской политики (после того как Великобритания и Франция прошли этап консолидации)⁵;

– интеграционные императивы, обуславливающие стремление к расширению и «освоению» евразийского пространства;

– периоды интеграции (присоединения земель к имперскому центру) чередовались с дезинтеграцией (потерей ранее приобретенных земель)⁶;

– циклы интеграции и дезинтеграции в различных соотношениях взаимодействовали с модернизацией государства и общества⁷;

– внешняя экспансия сочеталась с недостатком властной отчетности во внутривластном устройстве⁸;

– особенности интеграционной политики были предопределены экстремальными климатическими условиями, значительной пространственной протяженностью при низком уровне развития коммуникации, наличием «социальных пороков» (военный абсолютизм, фактор бюрократии, институт крепостничества и т. д.)⁹;

– находясь на пересечении европейской, азиатской и мусульманской культурных сфер, Россия вбирала в себя население, принадлежавшее к каждой из них, не являясь национальным государством в европейском смысле¹⁰;

– присоединение земель происходило с помощью методов культурного воздействия и ставки на местные элиты;

– для их последующего слияния с имперским центром применялись способы военно-политического, идеологического, демографического или социально-экономического воздействия;

– интеграция осуществлялась как в условиях полупериферийного положения государства в западнороссийской мировой капиталистической системе, так и в рамках автаркического союза¹¹;

– в стадии дезинтеграции Россия находилась в положении полупериферии, а социальные организмы, образовавшиеся в результате распада империи, – периферии¹².

Утверждением, претендующим в процессе обоснования называться тенденцией, является тезис о положительных для России последствиях вхождения в ее состав Крыма. В частности, крымские исследователи С. Киселев и Н. Киселева еще в 1994 г. отмечали, что «возрожденной России для обеспечения своих интересов в Европе рано или поздно придется все же потребовать возвращения Крыма в ее состав», после чего «неминуемо восстановится ее сильная внешняя политика и начнется обратное движение от рубежей предательства к рубежам победы»¹³. В мае 2014 г., размышляя о причинах и последствиях «крымской весны», С. Киселев писал: «Геополитический выигрыш России в результате возвращения Крымского полуострова более чем очевиден. Еще в XVIII веке была сформулирована такая максима – кто владеет Крымом, тот контролирует Черное море и Северное Причерноморье. В настоящее время этот регион – один из геостратегических и геоэкономических узлов на мировой политической карте». «Для России возвращение Крыма в ее состав, – акцентировал он, – есть первый шаг на пути восстановления ее миродержавного значения, возвращения статуса супердержавы»¹⁴.

Обозначенные аргументы нуждаются в подтверждающих исторических фактах, представле-

ние и оценка которых будут иметь несомненную научную новизну. Целью данной статьи является осуществление ретроспективного анализа соотношения фактов присоединения и потери Крыма с периодами интеграционной активности и государственного могущества России.

Наиболее комплексный и функциональный вариант хронологии периодов могущества и упадка российской государственности был представлен А. Уткиным: «...Страна распалась и исчезла в 1237, 1612, 1918 гг., она стояла на краю гибели в 1709, 1812, 1941 гг., но восставала в 1480, 1613, 1920, 1945 гг. И этот национальный код невозможно изменить, он не только живет в массовом представлении, он составляет его сущность, являясь основой национальной психологической парадигмы»¹⁵. Обосновывая указанную периодизацию, исследователи отмечали, что «очевидна цикличность развития пространства, где периоды стабильного развития и экспансии составляют: 1480–1605, 1613–1812, 1815–1918, 1920–1941, 1945–1991 гг., а ослабления и фрагментации: 1237–1480, 1605–1613, 1812–1815, 1918–1920, 1941–1945, 1991–2011 гг.»¹⁶. Эти утверждения можно использовать в качестве образца для последующего анализа.

Отмеченная периодизация показывает, что циклы взлетов и падений российского имперского могущества не подчиняются хронологической ритмичности, имея различную протяженность во времени. Так, этапы усиления и интеграции продолжались: 125 лет (1480–1605 гг.); 199 лет (1613–1812 гг.); 103 года (1815–1918 гг.); 21 год (1920–1941 гг.); 46 лет (1945–1991 гг.). Длительность этапов ослабления, дезинтеграции и восстановления имперского пространства, исключая монгольский (1237–1480 гг.: 243 года) и постсоветский (с 1991 г. по настоящее время: более 26 лет) периоды, характеризовалась относительной скоротечностью: 8 лет (1605–1613 гг.); 3 года (1812–1815 гг.); 2 года (1918–1920 гг.); 4 года (1941–1945 гг.)¹⁷.

Кроме того, руководствуясь качественными характеристиками (площадью присоединенных территорий и военной мощью империи), в интеграционной активности России на евразийском пространстве также можно выделить определенные периоды. В частности, насчитывается пять этапов усиления и интеграции и шесть – ослабления и дезинтеграции. Наиболее значительными в плане территориального расширения были 1613–1812 и 1815–1918 гг. При этом большинство периодов ослабления и дезинтеграции (1237–1480, 1605–1613, 1918–1920, 1941–1945 гг.) в той или иной степени характеризовались внутренними вооруженными конфликтами, интервенцией и нестабильностью, неся угрозу прежней государственной целостности. С 1991 г. по настоящий момент продолжается период дезинтеграции, отличающийся меньшей, в сравнении с предыдущими, конфликтностью, но

довольно существенной конкуренцией глобальных и региональных акторов в процессе реализации своих проектов на постсоветском пространстве с применением современных технологий¹⁸.

Крым, Кубань и Таманский полуостров вошли в состав Российской империи в 1783 г. в период усиления ее интеграционной активности и государственного могущества. В том же году, согласно Георгиевскому трактату, обеспечивалось присутствие русских войск в Грузии и в дальнейшем ее присоединение к России. К концу века укрепились российские позиции в Бессарабии и Закавказье. Далее империя была ослаблена Отечественной войной 1812 г., победа в которой и последующее присоединение польских земель (Царства Польского) открывает очередной период могущества, продолжавшийся более ста лет¹⁹. Впоследствии Россия сумела присоединить обширный район Кавказа (от Черного до Каспийского моря), начав (пока средствами торговли и дипломатии) наступление на Центральную Азию²⁰. Во второй половине XIX в. произошло последнее крупное территориальное приобретение империи – завоевание Центральной Азии²¹.

Императив территориального расширения был обусловлен географическим положением России, являющейся крупнейшей в мире сухопутной державой. В этом отношении один из основателей геополитики, американский военно-морской теоретик А. Мэхэн отмечал, что сухопутные державы (лишенные удобных выходов к морю) постоянно находятся под угрозой, вынуждающей расширять собственные границы во избежание нападения на их территорию. Подобное утверждение особенно справедливо относительно России, располагающей бескрайними степями и равнинами, которые не представляют естественных рубежей и не могут основательно защитить от вражеского вторжения. Так, английский геополитик Х. Маккиндер говорил о «страхе» России перед вторжением с суши, который, в частности, способствовал ее продвижению вглубь Европы, чтобы противостоять Франции в XIX в. и Германии в XX в. Россия была заинтересована в Афганистане, чтобы остановить британцев в Индии и получить выход к теплому Индийскому океану. Покорение Дальнего Востока имело целью заблокировать продвижение Китая. В свою очередь, доминирование России на Кавказе было вызвано необходимостью защитить себя от политических и религиозных коллизий в регионе Большого Ближнего Востока²².

Стремление Российской империи присоединить Крымский полуостров в XVIII в. обуславливалось следующими обстоятельствами. Во-первых, увеличение ее международного влияния и военного могущества в результате побед в войнах с Османской империей активизировали российские попытки найти удобный выход к Черному морю. В этом контексте овладение Крымом отодвигало русско-турецкую границу от побе-

режья, существенно изменяя соотношение сил империй в плане создания более благоприятных условий для геополитического доминирования и торговли России в Черноморском регионе, а также освоения ею Северного Причерноморья²³. Это осознавали представители российской правящей элиты. В частности, губернатор Новороссии Г. Потемкин в 1782 г. в адресованной императрице Екатерине II записке отмечал стратегическое значение полуострова, отсутствие которого в составе империи «разрывает» ее границу, а присоединение – обеспечивает укрепление черноморских позиций: «Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставить... С Крымом достанете и господство в Черном море»²⁴.

Во-вторых, в связи с очевидным приближением конца войны за независимость США, в которой участвовали Англия и Франция, императрица России опасалась возможности активизации их восточноевропейской политики, что актуализировало вопрос о присоединении Крыма²⁵. В этот период внешнеполитические устремления Российской империи были связаны с реализацией так называемого «Греческого проекта», предполагавшего совместно с Австрией разделить европейские владения Османской империи, подчеркивая стратегическую роль Крымского полуострова. Проект появился после заключения союза России и Австрии и способствовал достижению Екатериной II двух целей: ослабление позиции противников раздела Турции в Австрии и предотвращение возможного противодействия австрийского кайзера Иосифа II присоединению Крыма к Российской империи²⁶.

Кратковременный период потери Крыма был обусловлен событиями Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, которые определили ослабление и дезинтеграцию империи в 1918–1920 гг. В ноябре 1920 г. Красная армия прорывает оборону белогвардейцев на Перекопе и захватывает Крымский полуостров. Относительная внутривнутриполитическая стабильность была достигнута после образования СССР. Первоначально в 1922 г. Союз основывали РСФСР, УССР, БССР и Закавказская СФСР (в составе Армении, Азербайджана и Грузии). Осенью 1924 г. было проведено «национально-государственное размежевание» в Средней Азии, в результате которого из Туркестанской АССР, входившей в состав РСФСР, а также Бухарской и Хорезмской ССР были образованы Узбекская и Туркменская ССР, Таджикская АССР (с 1937 г. – Таджикская ССР) и Каракалпакская АО в составе РСФСР (с 1937 г. – АССР в составе УзССР). В декабре 1936 г. была ликвидирована Закавказская ССР, на базе которой образовывались Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР. Тогда же Киргизская АССР была преобразована в Киргизскую ССР, а Казахская АССР – в Казахскую ССР²⁷.

Выполняя условия секретного протокола к советско-германскому Договору о ненападении (от 23 августа 1939 г.), СССР занял ряд европейских территорий: земли Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабию и Северную Буковину; советские войска были введены в Латвию, Эстонию, а затем и Литву, которые в 1940 г. вошли в состав Союза. Следствием советско-финской войны явилось присоединение к СССР ряда финских владений²⁸.

Однако Великая Отечественная война внесла свои коррективы в этот процесс. Территориальная целостность государства была нарушена вторжением войск нацистской Германии. В период 1941–1944 гг. Крым находился в условиях немецкой оккупации. Весной 1944 г. полуостров был освобожден войсками советской армии. Примечательно, что в августе 1944 г. в состав Советского Союза вошла Тува. А послевоенный передел мира позволил СССР к территории уже существующих пятнадцати республик присоединить Восточную Карелию (Печенга), часть Восточной Пруссии, Закарпатскую Украину, Курильские острова и Южный Сахалин²⁹.

Дезинтеграция Советского Союза в 1991 г. и образование пятнадцати новых независимых государств обозначили начало современного периода в развитии как российской интеграционной политики, так и в целом евразийского пространства³⁰. Крымская автономия вплоть до марта 2014 г. находилась в составе Украины.

Таким образом, ретроспективный анализ продемонстрировал, что присоединение Крыма к Российской империи в конце XVIII в. осуществлялось в рамках периода усиления ее интеграционной активности и государственного могущества, в дальнейшем способствуя укреплению российских позиций в регионе Северного Причерноморья и в целом на Черном море. Подобное позитивно отражалось на интенсификации интеграционных устремлений России в европейском и азиатском направлениях, вследствие чего произошло значительное увеличение имперской территории. Показательно, что периоды, связанные с временной потерей Крыма (1918–1920, 1941–1944, 1991–2014 гг.), происходили на фоне общего ослабления и дезинтеграции Российского государства. При этом возвращение полуострова в его состав (1920–1941, 1945–1991 гг.) способствовало началу очередного этапа усиления интеграционной активности и государственного могущества России.

Приведенные исторические доказательства дают основания утверждать, что положительные для интеграционной активности и государственного могущества России последствия вхождения в ее состав Крыма являются тенденцией, т. е. устойчивым соотношением характеристик, определяющих вероятность развития событий в конкретном направлении и позволяющих на их основе проводить аналогии и строить прогнозы.

Итак, следуя историческому опыту, присоединение Крыма к России приводило к усилению ее геополитического присутствия в Черноморском регионе, интенсификации интеграционной активности и увеличению имперской территории. Потери полуострова были связаны с периодами дезинтеграции и ослабления государства, а его возвращение в состав России открывало новый этап ее интеграционной активности и государственного могущества, что позволяет, проводя исторические параллели, говорить о возможности повторения подобной ситуации после 2014 г. в новых условиях и, вероятно, с несколькими иными последствиями.

Примечания

- ¹ Киссинджер Г. Дипломатия : пер. с англ. М. : Ладомир, 1997. С. 19.
- ² Там же. С. 16.
- ³ См.: *Cohen A.* Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy. URL: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy> (дата обращения: 23.04.2018).
- ⁴ См.: *Sokov N.* Russian Policy Towards the Baltics : What the West Can Expect and What It Could Do / with add. comment. by E. W. Merry. Washington, D. C. : The Atlantic Council of the United States, 1999. P. 20.
- ⁵ См.: Киссинджер Г. Указ. соч. С. 18.
- ⁶ См.: Пашковский П. И. Внешнеполитическая традиция России : основные характеристики // Науч. ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. 2016. № 15 (236), вып. 39. С. 190.
- ⁷ См.: Пашковский П. И. Циклы модернизации и проблемы национальной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 1 (13). С. 17.
- ⁸ См.: *Cohen A.* Указ. соч.
- ⁹ См.: *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers. N. Y. : Random House, 1987. P. 14.
- ¹⁰ См.: Киссинджер Г. Указ. соч. С. 16.
- ¹¹ См.: Пашковский П. И. Внешнеполитическая традиция России : основные характеристики. С. 190.
- ¹² См.: Пашковский П. И. Циклы модернизации и проблемы национальной безопасности России. С. 17–19.
- ¹³ *Киселев С., Киселева Н.* Размышления о Крыме и геополитике. Симферополь : Крымский архив, 1994. С. 33, 34.
- ¹⁴ *Киселев С.* Циклы геополитической истории Причерноморья и «Малая игра» // Информационно-аналитическая газета «Крымское эхо» : [сайт]. URL: <http://www.kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=9606> (дата обращения: 23.04.2018).
- ¹⁵ *Уткин А. И.* Мир после сентября 2001 года. М. : Изд. А. В. Соловьёв, 2002. С. 138–139.
- ¹⁶ *Ирхин А. А.* Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. Севастополь : Рибэст, 2011. С. 23.
- ¹⁷ См.: Пашковский П. И. Интеграционная активность России : проблемы периодизации // Исторические,

философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10, ч. 3. С. 151.

- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ См.: История России : в 2 т. Т. 2 : С начала XIX века до начала XXI века / А. Н. Сахаров, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматуллин [и др.] ; под ред. А. Н. Сахарова. М. : АСТ ; Ермак ; Астрель, 2003. С. 61.
- ²⁰ Там же. С. 112.
- ²¹ См.: Глуценко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М. : Центрполиграф, 2010.
- ²² См.: Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного : пер с англ. М. : КоЛибри ; Азбука-Аттикус, 2016. С. 176.
- ²³ См.: Шляпкина Е. А. «Границы теперешние обещают покой России...». Присоединение Крыма к России в 1783 году // Военно-исторический журнал. 2015. № 3. С. 43.
- ²⁴ Прохоров Д. А. Крым в конце XVIII – первой половине XIX вв. // История : электр. науч.-образ. журнал. URL: <http://history.jes.su/s207987840001730-2-2> (дата обращения: 23.04.2018).
- ²⁵ См.: Мальгин А. В. «Приобретение сие важно...». Присоединения Крыма в 1783 и 2014 годах : исторические параллели // Свободная мысль. 2014. № 3 (1645). С. 36.
- ²⁶ См.: Виноградов В. Н. Греческий проект Екатерины II и Григория Потемкина // Русская цивилизация. URL: <https://web.archive.org/web/20091216140052/http://www.rustrana.ru/article.php?nid=22824> (дата обращения: 23.04.2018).
- ²⁷ См.: Казанцев Ю. И. Международные отношения и внешняя политика России (XX век). Ростов н/Д : Феникс ; Новосибирск : Сибирское соглашение, 2002.
- ²⁸ См.: Политическая история России / отв. ред. В. В. Журавлёв. М. : Юристъ, 1998.
- ²⁹ См.: Moss W. G. A History of Russia : in 2 vols. Vol. 2. Since 1855. N. Y. : McGraw-Hill, 1997.
- ³⁰ См.: Пашковский П. И. Внешнеполитическая традиция России : основные характеристики. С. 188–192 ; *Его же*. Циклы модернизации и проблемы национальной безопасности России. С. 14–20 ; *Его же*. Интеграционная активность России : проблемы периодизации. С. 149–152.

Образец для цитирования:

Пашковский П. И. К проблеме соотношения фактов присоединения Крыма к России и периодов российской интеграционной активности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 318–322. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-318-322

Cite this article as:

Pashkovsky P. I. To the Problem of the Correlation of the Facts of Accession of the Crimea to Russia and the Periods of the Russian Integration Activity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 318–322 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-318-322